

Література

1. Атанасова, П. Кръстю Раковски : 1873-1941 / П. Атанасова. – София, 1988.
2. Веков А. Към въпроса за участието на Кр. Раковски в руското революционно движение (1881-1912) / А. Веков // Известия на Институт по история на БКП. – Т. 53. – 1985. – С. 287-307.
3. Веков А. Кръстю Раковски на Амстердамския конгрес на Втория интернационал / А. Веков // Известия на Институт по история на БКП. – 1988. – № 61. – С. 220-239.
4. Панайотов, Ф. Доктор Кръстю Раковски. Допълнения към биографията му / Ф. Панайотов. – София, 1988.
5. Панайотов, Ф. Животът и смъртта на Кръстю Раковски / Ф. Панайотов. – София, 2003.
6. Головкин В. Между Москвой и Западом : Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского / В. А. Головкин, М. Г. Станчев, Г. И. Чернявский. – Харьков, 1994.
7. Конт, Ф. Революция и дипломатия. Х. Раковский / Ф. Конт; перевод с фр. – М., 1991.
8. Чернявский Г. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль / Г. И. Чернявский, М. Г. Станчев, М. В. Тортика (Лобанова). – М., 2014.
9. Broué, P. Rakovsky ou la Révolution dans tous les pays [Текст] / P. Broué. – Fayard, 1996.
10. La Jeune Turquie : journal pour la Défense des Intérêts de l'Empire Ottoman / Directeur politique : Agop Bey Cherbetgian. – 24 septembre 1910. – № 26. – Paris.
11. La Revue socialiste : Tome XXVI (juillet – décembre 1897) / Directeur: Georges Renard. – Paris, 1897.
12. La Vie Socialiste : revue bi-mensuelle internationale / Rédacteur en chef : Francis de Pressensé. – 05 novembre 1904. – № 1. – Paris.
13. La Vie Socialiste : revue bi-mensuelle internationale / Rédacteur en chef : Francis de Pressensé. – 20 novembre 1904. – № 2. – Paris.
14. La Vie Socialiste : revue bi-mensuelle internationale / Rédacteur en chef : Francis de Pressensé. – 05 décembre 1904. – № 3. – Paris.
15. Le Mouvement socialiste : revue bi-mensuelle internationale / Direction : Hubert Lagardelle. – 15 juillet 1905. – № 159. – Paris.
16. Le Radical : Organe d'Action démocratique et de Progrès social. – 9 novembre 1909. – № 310. – Paris.
17. Le Temps / Directeur politique : Adrien Héhrard. – 1 septembre 1909. – № 17597. – Paris.
18. Leune, A. Petit manuel contre la guerre / A. Leune. – Paris, 1907.
19. Revue de droit international privé et de droit pénal international : T. 6 / Réd. : A. de Lapradelle, et d'autres. – Paris, 1910.

УДК 327(47+57:53)«1947/1957»

От «лакеев Англии» к «борцам за независимость и суверенитет»: эволюция образа арабских режимов в документах советской дипломатии (1947-1957 гг.)

Каштанов Кирилл Альбертович

В статье прослежена эволюция отношения Советского Союза к арабским странам Ближнего Востока от вынесения палестинского вопроса в ООН до окончания Суэцкого кризиса, подведшего итог под очередным этапом кремлевской политики в регионе.

Ключевые слова: Ближний Восток, Советский Союз, арабский мир

Каштанов Кирило. Від «лакеев Англії» до «борців за незалежність та суверенітет»: еволюція образу арабських режимів у документах радянської дипломатії (1947-1957 рр.). У статті прослідкована еволюція ставлення Радянського Союзу до арабських країн Близького Сходу від винесення палестинського питання в ООН до завершення Суецької кризи, що підбило підсумок під черговим етапом кремлівської політики в регіоні.

Ключові слова: Близький Схід, Радянський Союз, арабський світ

Kashtanov Kiril. From «lackeys of England» to «fighters for independence and sovereignty»: the evolution of image of Arab's regimes in the documents of the soviet diplomacy (1947-1957). In the article is tracked an evolution of Soviet Union's relation to Arab countries of the Near East from imposition of the Palestine's question to UN to the completion of the Suez crisis, that summed up under the next stage of the Kremlin's policy in the region.

Keywords: The Near East, Soviet Union, Arab world

Ближневосточный вектор советской внешней политики и связанные с ним проблемы достаточно широко разработаны в российской, израильской и западной историографиях*.

* Среди основных работ см.: Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму / А. Васильев. – М., 1993; Говрин И. Израильско-советские отношения 1953-1967: пер. с иврита / И. Говрин. – М., 1994; Млечин Л. Зачем Сталин создал Израиль? / Л. Млечин. – М., 2005; Примаков Е. Конфиденциально: Ближний Восток: на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) / Е. Примаков. – М., 2012; Фурсенко А. Россия и международные кризисы середины XX века / А. Фурсенко. – М., 2006; Glassmen J.

© Каштанов К., 2016

Однако все существующие построения предметно находятся в канве традиционной политической истории. Проблема выхода за рамки позитивистско-советского наследия, в частности, попытка лингвистического анализа текста применительно к этой теме представляет несомненную актуальность, известный вклад в раскрытие которой призвана внести данная работа. Рассекреченные документы Архива внешней политики Российской Федерации, а также Российского государственного архива новейшей истории, Государственного архива РФ и Архива социально-политической истории позволяют набросать начальные контуры в этом направлении.

Интересующие нас события разворачивались на фоне первых лет «холодной войны». Начавшись по окончании Второй мировой войны, блоковое противостояние двух систем вскоре затронуло и Ближний Восток через помощь Кремля сионистам в создании Государства Израиль и его защите в ходе Первой арабо-израильской войны (1948-1949 гг.). Однако на первый план в регионе советско-американские взаимоотношения вышли в 1955 г. после возникновения Багдадского пакта и заключения соглашений о поставках чехословацкого оружия Египту и Сирии. А во время Суэцкого кризиса 1956 г. СССР уже напрямую противостоял Великобритании, Франции и Израилю, вторгнувшимся в Египет, занимая с Соединенными Штатами де-факто сходную позицию и принуждая интервентов к миру. Характерно, что до этого США и Советский Союз не рассматривали друг друга в качестве главных региональных соперников, а скорее занимались растаскиванием британского колониального наследия. Но по окончании кризиса ситуация начала меняться.

С вынесением палестинского вопроса на повестку дня Организации Объединенных Наций в феврале 1947 г. советская дипломатия активизировала свои усилия на Ближнем Востоке, являвшемся до того практически безраздельной геополитической «вотчиной» Великобритании. Сталинское руководство решило поддержать сионистов в стремлении создать независимое еврейское государство, посеяв тем самым зерна многолетнего конфликта в самом сердце Arms for the Arabs. The Soviet Union and War in the Middle East / J. Glassmen. – Baltimore, 1975; *Ginor I.* Foxbats over Dimona. The Soviet Nuclear Gamble in the Six Day War / I. Ginor, G. Remez. – L., 2007; *Krammer A.* The forgotten friendship: Israel and the Soviet Bloc, 1947-1953 / A. Krammer. – Texas, 1974; *Kreutz A.* Russia in the Middle East: friend or foe? / A. Kreutz. – Westport, 2007; *Rucker L.* Moscow's Surprise: The Soviet-Israeli Alliance of 1947-1949 / L. Rucker // CWINP. – 2001. – № 46. – P. 1-36; *Shimonov R.* From Friends to foes. The Deterioration of Soviet-Israeli Relations in the middle of 20th century / R. Shimonov // Jackson School Journal. – 2011. – Vol 1. – No 2 (Spring). – P. 46-62. The Soviet Union and the June 1967 Six Day War / Ed. by Y. Ro'i, B. Morozov. – California, 2008. – 366 p. и др.

английских владений в регионе. Дипломатическая и военная поддержка Москвой провозглашенного Израиля стала одним из ключевых факторов его становления. В то же время отношения СССР с арабскими странами оставляли желать лучшего. Как во внутренней переписке, так и в официальных заявлениях советских дипломатов, правительства этих держав характеризовались в неизменно негативном ключе. Так, в выступлениях советских делегатов в ООН при оценке намерений и действий представителей арабских держав употребляются такие весьма ехидные и язвительные обороты, как «понятные мотивы», «неуклюжесть» действий делегаций этих государств, «упражнения» в критике советской политики со стороны представителя Ливана в ООН [1, с. 9-10], «извращение дела», «извращение коммунизма» им же, его «злостные утверждения», а вся речь – «трагикомическое недоразумение» [3, с. 608-610]; «странность», «несвоевременность» и «плохость» предложений представителей Сирии [1, с. 47-48].

Общий тон бесед с египетскими, сирийскими и ливанскими дипломатами был весьма прохладным, что можно проследить из выражений типа «весьма глухо дал понять», «выторговать путем угрозы», «весьма путано начал объяснять» в описании поведения и речи арабской стороны [1, с. 14-15, 21-22]. Постоянно проскакивающие фразеологические обороты «якобы», «будто», «будто бы», «как выразился», частица «де», вставленное слово небрежной неопределенности «мол» и т. п. приемы придавали довольно туманный фон содержанию дипломатической переписки. В беседе с временным поверенным в делах Ливана в СССР Аммуни заместитель заведующего стран Ближнего и Среднего Востока С. Т. Базаров и вовсе выразился, что «он не может строить догадки на будущее» [1, с. 126].

Одними из определяющих черт портрета арабов в глазах сталинской дипломатии являлись презрение и высокомерие в их отношении. В отчетах кремлевских дипломатов о беседах с арабами, когда речь заходила о просьбах последних, в записях ответов советских служащих неизменно фигурировали разнообразные слова, саркастически подтверждающие очевидность отсутствия каких-либо гарантий и заверений [1, с. 25, 101-102].

Так, руководства арабских стран обозначались в выражениях уровня «правящая верхушка» [1, с. 91] и даже «реакционная верхушка» [10, с. 265]; в Египте, соответственно, «египетская верхушка», а ее политика в англо-египетском конфликте – «торг с англичанами» [1, с. 21, 136-138]. В планах западных держав арабские государства представляли даже в роли «жандармской силы» на случай «революционных восстаний в Западной

Европе и других местах». Арабские правители характеризовались как «продажные», «подкупленные», «реакционные», «марионеточные», зависимые от Англии и США, а Трансиордания и вовсе в качестве британской марионетки и колонии ** [1, с. 24-25, 34, 42, 59; 6, л. 26; 11, с. 141, 202]. Отец правящего монарха Абдаллаха именовался «папашей», «мечтавшем стать великим арабским королем и закончившим бегством на о-в Кипр» [1, с. 39], а он сам – покорным лакеем и ставленником Англии. Премьер-министра Ирака Нури Саида в информационном письме миссии СССР в Ливане заместителю министра иностранных дел В. А. Зорину от 14 апреля 1949 г. постигло то же нелестное клеймо [1, с. 91]. Иракский делегат на ноябрьской сессии Лиги арабских государств (ЛАГ) того же года Юсеф аль-Кейлани именовался не иначе, как «английским наймитом» [1, с. 104].

Однако верхом пренебрежения и негатива касательно арабов была характеристика их руководства как «шовинистических кругов» [8, л. 25]; «правящей клики», проводящей «разнузданную шовинистическую пропаганду» и «затеявшей палестинскую авантюру» [1, с. 89]. Ставший в начале 1952 г. премьер-министром Египта Али Махер-паша описывался как сторонник установления «фашистской диктатуры», жестоко расправляющийся с собственным народом и «склонный к сделке с империалистами» [9, л. 46]. Однако даже он оказался чересчур либеральным, вследствие чего к власти в Каире «с помощью Великобритании» был приведен кабинет Хилали-паши, арестовавшего всех неугодных монархии и являвшегося человеком «полностью проанглийским» [9, л. 75]. В свою очередь, сирийский режим характеризовался как «военный диктат, установленный кликой А. Шишкли при поддержке американцев» [9, л. 59, 71]. Палестинский муфтий Хадж Амин аль-Хусейни представлялся и вовсе как «забытый фашистский агент», которого «Египет позволил себе вызвать на сцену» с «его мнимым правительством» [1, с. 124]. Несмотря на то, что последняя характеристика была записана со слов израильского посланника в Москве М. Намира во время беседы с заместителем отдела стран Ближнего и Среднего Востока А. Д. Щибориным 19 апреля 1950 г., никаких кавычек или оговорок рядом указано не было, что означает близость оценок (если не полное сходство) Израилем и СССР личности муфтия.

В не меньшей степени, нежели пренебрежение, относительно арабов советская сторона испытывала в то время недоверие. Так, даже расследование сирийцами террористического акта против

** При чем такое отношение к этому арабскому государству оглашалось советскими дипломатами А. А. Громыко и С. К. Царапкиным даже официально, с трибуны ООН [2, с. 307-308, 310, 423-425, 427].

советской культурной выставки, совершенного в Дамаске 30 ноября 1947 г., обозначалось только в кавычках. Боле того, о невозможности объективного следствия указывалось прямым текстом. А политика стран ЛАГ в палестинском вопросе и вовсе описывалась как скрытная; отмечалась большая вероятность «договора» с англичанами [1, с. 23]. Посол Египта Биндари-паша «пытался показать себя истинным другом СССР», изрекал «витиеватые фразы с заверениями о симпатии, дружбе и любви к Советскому Союзу», «назойливо домогался получить ответ» по интересующим его вопросам, «пространно говорил о дружеских чувствах, которые он испытывает по отношению к Советскому Союзу и его руководителям», «заминался и пускался в свои обычные разглагольствования о тех дружеских чувствах, которые он испытывает к Советскому Союзу» и пр. [1, с. 21, 25, 44, 50, 77]. В диалогах с египетским послом постоянно фигурирует оборот «в частном порядке» относительно речей Биндари-паши, а его поведение (смущение, жалобы, неадекватная реакция на некоторые встречные инициативы и решения СССР и т. п. [1, с. 50-51]) расценивалось как признак неискренности. Посол Сирии также излагал «пространные заявления» [1, с. 56], а иной раз сообщал «сугубо доверительно, без какой бы то ни было возможности на ссылки» [1, с. 86]. Посланник Ливана в СССР Х. Таки Эд-Дин пытался «убедить в правильности им сказанного» временного поверенного в делах Советского Союза в Ливане В. Т. Хангулова во время протокольного визита 20 июля 1950 г., а его ответ был составлен в «очень туманных и неконкретных выражениях» [1, с. 129-130]. Директор политического департамента И. Истуани не мог раньше посетить поверенного в делах Сирии И. А. Исагулова по причине «чрезмерной занятости», специально взятой в донесении советского дипломата в кавычки [1, с. 62]. То же самое относится и к покушению на ливанского премьера Р. Сольха, которое также было указано в кавычках в письме посланника СССР в Сирии и Ливане Д. С. Солода первому заместителю министра иностранных дел А. А. Громыко от 22 марта 1950 г. Даже египетский руководитель М. Нагиб тоже «якобы болел», принимая советского посланника С. П. Козырева в своей частной резиденции [1, с. 190]. Очевидно, что кремлевские дипломаты не воспринимали за правду то, что говорили им арабские коллеги. Это одна из отличительных черт советской политики на Ближнем Востоке в сталинскую эпоху.

Особый негатив у сотрудников МИД вызвало новое египетское руководство, пришедшее ко власти после июльской революции 1952 г. Премьер-министр генерал Нагиб, судя по телеграмме посланника Советского Союза в Каире от 29 января 1953 г., сильно затягивал их первую встречу «в демагогических целях», и, «притворяясь чуть

ли не другом СССР и играя словами в «безвыходное» положение и «необходимость» получения помощи у других стран, под которыми имеются в виду лишь США, предпринял попытку заранее оправдать свою политику втягивания Египта в антисоветский агрессивный блок». В тех же целях «демагогии» он касался вопроса о поставках советского оружия [1, с. 180-182].

Еще одной проблемой отношений с арабами была выборочность восприятия их посланий советской стороной, а также банальное непонимание и нежелание понять, что они пытаются донести. Зачастую содержательная часть документа, посылаемого из посольства наверх, начиналась с фразы «из сказанного [фамилия собеседника] в процессе беседы с ним заслуживает внимания следующее...», а заканчивалась «других важных (существенных) вопросов в беседе не затрагивалось» («в остальном беседа не представляла интереса»). В донесениях наверх мыслей арабских политиков часто употребляется такой оборот, как «дал понять», что свидетельствует также о чрезмерной конспирации и дистанцировании от собеседника. Распространенным способом уклонения от ответа на неприятные вопросы была ссылка дипломата на отсутствие специальных знаний по данному вопросу и общее обещание донести сказанное до сведения советского правительства. Сотрудники советского МИД достаточно часто уклонялись от разговора на такие темы, как поставки оружия арабским странам, поддержка Израиля в палестинском вопросе и т. д. [1, с. 122, 128, 181, 199, 203]. Суммарно все вышеперечисленное свидетельствовало о самоустранении сталинской дипломатии от арабского мира.

Подводя общий итог советским оценкам, следует выделить их такие характерные черты, как недоверие, высокомерие, презрение и нежелание понять противоположную позицию. Это проявлялось в общем холодном и крайне сдержанном тоне и духе бесед с представителями государств Ближнего Востока, их информационной скудности, соответствующем негативном лексиконе при описании и манере общения, язвительных замечаниях, оборотах, вводных словах-сомнениях и предположениях, а также распространенному закавычиванию важных положений речи арабских дипломатов, политиков и прочих государственных деятелей.

Благодаря инерции сталинская внешнеполитическая линия продолжала доминировать в регионе ближайшие два года после смерти вождя. Все родимые пятна того периода явственно проступают в документах 1953-1954 гг. Так, «свободные офицеры», захватившие власть в Египте, характеризовались посланником Д. С. Солодом (уличившим к тому же египетского посла в СССР А. Аль-Масри в неискренности по

данному вопросу) как «копировавшим во всем немецкий и итальянский фашизм; на днях министр социальных дел майор Камаль эд-Дин Хусейн прямо заявил, что величайшим деятелем века он считает Гитлера» *** [1, с. 200]. Но уже с 1954 г. отчетливо прослеживается заметное потепление в диалогах между арабскими и советскими дипломатами, отраженное в справках сотрудников МИД СССР относительно Ближнего Востока. Именно в это время постепенно начинает меняться общий тон общения с арабами – в отличие от периода конца 1940-х – начала 1950-х гг., в документах появляются теплые эмоции и просто добрые слова при контакте с арабскими государствами, формирующие дружественную атмосферу. Кроме того, изменяется и содержание бесед – они становятся более информативными и определенными, наполненными конкретными вопросами, ждущими своего разрешения: поставки оружия, оказание экономической помощи, занятие солидарных позиций на трибуне ООН, проблема противодействия давлению Великобритании и США, отношений с Израилем. Это расчеты, проценты, цифры, сроки, товары, отношения к планам западных держав и т. п. Взамен отсутствия каких-либо заверений в практике советских дипломатов начали появляться обещания арабским коллегам относительно донесения их просьб и пожеланий до сведения хрущевского руководства.

Впрочем, какое-то время уровень недоверия по-прежнему был высоким. Так, в беседе 17 июня 1954 г. с депутатом ливанского парламента Э. Бустани его «подтверждения» о собственной «независимости» произвели скорее обратное впечатление на советского посланника В. А. Беляева, а в канун второй годовщины египетской революции 1952 г. в советских донесениях она по-прежнему именовалось государственным переворотом [1, с. 213, 216]. К арабским дипломатам все еще относились со значительным пренебрежением и недоверием, что проявлялось во фразах о них типа «старался представить себя в качестве сторонника развития дружественных отношений между Сирией и Советским Союзом» (о министре национальной обороны М. Давалиби) [1, с. 202], «пустился в рассуждения» (иорданский посол в Египте А. Абдель-Хади) [1, с. 224], «принялся многословно говорить», «декларативный характер», «начал развивать теорию» (о министре иностранных дел Египта М. Фаузи и премьер-министре Г. Насере) [1, с. 229, 257, 277]

*** Характерно, что подобная оценка совпадала с точкой зрения египетских коммунистов, призывавших к борьбе с «фашистской бандой» генерала Нагиба и «предателем» Абдель Насером; однако доверия у сталинской дипломатии не было даже к арабским левым, что выражалось в соответствующих негативных высказываниях при характеристике коммунистического движения в арабском мире [7, л. 1-73].

и многое другое. Смена настроений в дипломатической среде настоящего наступила в 1955 г. Интересно, что кардинальное улучшение образа арабских режимов в дипломатической документации коснулось не только Сирии и Египта, которые с этого года, по сути, стали союзниками СССР (благодаря первым оружейным траншам со стороны Москвы), но также и государств, остававшихся целиком в западной орбите влияния: в первую очередь, Ливана, и, в меньшей степени, Иордании и Саудовской Аравии.

Кроме того, в документах появилась более-менее объективная аналитика текущего положения в регионе, тонкие детали внутреннего положения в арабских странах. Действия арабских правительств, их настроения и планы начали объясняться в контексте конкретной проблемы и взаимоотношений с другими акторами Ближнего Востока, а не сквозь призму идеологических стереотипов сталинских времен, где эмоциональная окраска зачастую затмевала собой рациональное зерно, а действительность «подгонялась» под идеологические штампы. Это также способствовало отходу от демонизации как националистических республиканских режимов, так и консервативных монархий. Начиная с 1955 г. многие ранее избивавшие пренебрежительно-недоверчивые пассажи покидают лексикон советских дипломатов. Постепенно арабские страны из «марионеток Англии» становятся «антиколониальными борцами» за национальную независимость, суверенитет и свободу при поддержке СССР [4, л. 43, 95-96; 5, л. 49-50; 1, с. 261, 264, 367, 409-410, 412-413, 418]. Критические замечания и соображения относительно позиции арабов приобретают логичность и осторожность, такт. Дипломаты переходят к более обтекаемым словесным формам, таким как «повидимому», «как бы мимоходом», «не развил своей мысли, и по сути дела осталось неизвестным, что он хотел сказать», «в порядке информации, как он выразился», «сначала пытался уверить о нецелесообразности», «не совсем понятно», «в неофициальном порядке», «в тактичной форме» [1, с. 283, 285, 288, 332, 346, 356, 455] и т. д.

Несмотря на характеристику правительства «буржуазного» [4, л. 96] Насера во внутренней политике как проводящей «антидемократический курс на подавление демократического движения, открыто заявлявшего, что оно является антикоммунистическим» [1, с. 305-306], с 1955 г. количество контактов с египтянами возрастает во много раз в сравнении с предыдущими годами. Между государствами появляется взаимное доверие и уважение. Изменяется не только информативность и тематика, но и качество бесед – они приобретают куда более откровенный характер по всем проблемам, что отмечали и сами арабы [1, с. 340; 5, л. 53; 6, л. 89].

Возникает даже некоторая рабочая спешка в таких животрепещущих вопросах, как события международной жизни либо же поставки вооружений. Меняется и рабочий лексикон на нейтрально-деловой: все чаще встречаются фразы «я обещал сделать», «обещал передать», «рассказал следующее», «сообщил», «заявил», «поблагодарил», «встретился», «позвонил» и пр. На смену бессодержательному «после обмена обычными приветствиями» приходит весьма показательное «как ранее было условлено».

Постепенно в общении с союзными арабскими державами Москва начала переходить к практике советов и даже указаний [1, с. 343, 436]. Кульминацией такого поворота стал Суэцкий кризис, разразившийся в конце июля 1956 г. В дипломатических отчетах поселились такие обороты, как «информировать в доверительном порядке», «посетите Насера», «срочно посетите Сабри» и т. п. Египетское руководство прямо информировалось об оптимальных шагах на международной арене с точки зрения Кремля.

Благодаря кризису за Египтом окончательно закрепился образ «свободолюбивого народа» и «суверенной страны» [1, с. 463], «ведущей борьбу против... угнетавшего их колониализма, за укрепление своей национальной независимости, за обеспечение своего государственного суверенитета» [1, с. 535]. То же самое касалось и сирийцев [6, л. 73]. Мужественное отстаивание своей независимости и «борьба за правое дело» приводило А. Н. Микояна, ведшего в ноябре 1957 г. переговоры с египетской делегацией, в восхищение и напоминало ему времена Гражданской войны [6, л. 82, 86-87, 135].

Именно из-за отстаивания Каиром своих прав на канал, а также последующей защитой от интервенции союзников, как на международной трибуне и при двустороннем общении с арабами, так и во внутренней переписке, образ борцов с колониализмом и империализмом стал безраздельно господствовать в советской документации.

Таким образом, нами была совершена попытка проследить эволюцию образа арабских режимов на протяжении 1947–1957 гг. Вначале данного периода сталинская дипломатия крайне негативно отзывалась о руководстве стран Ближнего Востока, считая их реакционными марионетками Великобритании. Начиная с 1955 г. на смену прежнему дискурсу приходит новый образ арабов как борцов с колониализмом. Этот сдвиг коснулся в равной степени как официальных заявлений, так и материалов для внутреннего пользования. То есть советское руководство каждый раз не лукавило, искренне считая правительства государств района Леванта и Персидского залива то коллаборационистами, то

представителями национально-освободительного движения. Такая позиция была обусловлена сменой ориентиров внешней политики Советского Союза в странах «третьего мира», произошедшей благодаря не внутривластной «оттепели», а принципиальному изменению характера отношений Кремля с деколонизирующимися государствами, позже обоснованного теорией «социалистической ориентации».

Литература

1. Ближневосточный конфликт. Из документов архива внешней политики РФ. 1947-1967: в 2-х т. / Отв. ред. В. В. Наумкин. – Т. 1 (1947-1956). – М., 2003.
2. Внешняя политика Советского Союза. 1948 г.: в 2-х кн. – Кн. 2. – М., 1950.
3. Внешняя политика Советского Союза. 1949 г.: в 2-х кн. – Кн. 2. – М., 1950.
4. ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 98с. – Д. 702.
5. ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 98с. – Д. 704.
6. ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 98с. – Д. 754.
7. РГАН. – Ф. 5. – Оп. 28. – Д. 93.
8. РГАСПИ. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 1033.
9. РГАСПИ. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 1042.
10. Советско-израильские отношения: Сборник документов. 1941-1953: в 2-х кн. / Под ред. Б. Колоколова, Э. Бенцура. – Кн. 1 (1941 – май 1949). – М., 2000.
11. Советско-израильские отношения: Сборник документов. 1941-1953: в 2-х кн. / Под ред. Б. Л. Колоколова, Э. Бенцура. – Кн. 2 (май 1949 – 1953). – М., 2000.

УДК 325.53(6-52:430)«18/19»

Формирование хозяйственного уклада переселенцев в африканских колониях Германии в конце XIX – начале XX вв.

Луценко Сергей Михайлович

Статья посвящена анализу хозяйственной деятельности переселенцев и их роли в экономическом освоении колоний. Рассмотрены региональные особенности хозяйственного уклада колонистов, появление в протекторатах производства, специфические черты формирования внутреннего и внешнего рынка и др.

Ключевые слова: колонии, хозяйственный уклад колонистов, колониальная экономика

Луценко Сергій. Формування господарського устрою переселенців в африканських колоніях Німеччини наприкінці XIX – на початку XX ст. Стаття присвячена аналізу господарської діяльності переселенців і їхній ролі в економічному освоєнні колоній. Розглянуто регіональні особливості господарського освоєння колоній, появи виробництва, специфічні риси формування внутрішнього і зовнішнього ринку та ін.

Ключові слова: колонії, господарський уклад колоністів, колониальна економіка

Lutsenko Sergei. Formation of economic structure of colonists in the African colonies of Germany in the 19th – early 20th. This article is dedicated to the analysis of economic activity of migrants and their role in the economic development of the colonies. The regional features of the economy are analyzed; the emergence of the production, the specific features of the domestic and foreign markets are considered.

Key words: colony, economic structure of the colonists, the colonial economy

Изучая историю германского колониализма в Африке, исследователи зачастую недостаточно освещают особенности формирования хозяйств немецких колонистов. Проблема экономического освоения заморских территорий затрагивалась в работах Лота [1], Утермак [7], Балежина [17]. Авторы в своих научных трудах дают общую оценку экономики колоний и ее роли в хозяйстве метрополии. Однако, зачастую, не затрагивается